
Литература

---

5. Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 238 с.
  6. Ильюшенко М.П. История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 768 с.
  7. Варединов Н.В. Делопроизводство, или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одиночному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1857.
  8. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9. Л. 4.
  9. РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 262. Л. 1–67.
-

Международные связи советских генетиков в 1965–1991 гг. (по материалам Новосибирского научного центра)

С.В. Шалимов

Одним из важных аспектов возрождения отечественной генетики начиная с середины 1960-х гг. являлась интеграция советских биологов в международное научное сообщество. Расширение зарубежных контактов было неотъемлемым элементом преодоления «лысенковщины». Так, в постановлении Президиума АН СССР от 25 декабря 1964 г. «О развитии в Академии наук СССР научно-исследовательских работ в области генетики» предписывалось: «...в двухмесячный срок представить 25–30 кандидатур молодых специалистов по генетике, молекулярной биологии, биохимии, биофизике и биоорганической химии для направления их в командировку за границу на длительный срок» [1].

Следует отметить, что подобные решения принимались и в отношении Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. В частности, на заседании Президиума ЦК КПСС от 23 марта 1966 г., был одобрен проект постановления Совета Министров СССР, в котором говорилось: «Разрешить Министерству сельского хозяйства СССР ежегодно, начиная с 1968 года, направлять на стажировку в зарубежные научные учреждения до 30 научных работников на срок от 6 месяцев до двух лет с целью освоения ими новых методов исследований и глубокого изучения достижений в соответствующих отраслях науки и техники» [2].

Применительно к ведущему генетическому центру страны – Институту цитологии и генетики СО АН СССР, необходимо отметить заметное расширение международных контактов в рассматриваемый период. Это проявлялось как в визитах известных зарубежных ученых, посещавших институт, так и в увеличении числа выезжавших за границу научных сотрудников.

Как вспоминали ветераны, в те годы в институт постоянно приезжали «элитные» представители научного сообщества, которые пропагандировали свои идеи и методы, и это было хорошей школой для новосибирских генетиков. В самом деле, согласно характеристикам международных связей, которые присутствовали в отчетах института об итогах научной деятельности, каждый год ИЦиГ СО АН посещали авторитетные ино-

странные исследователи. Например, в 1965 г. в институт приезжали делегация Лондонского королевского общества, американский биохимик Роберт Циммерман. В следующем году новосибирских генетиков посетили лауреат Нобелевской премии английский биолог Питер Медавар, американский биохимик Александр Рич, а в 1967 г. известный шведский генетик Д. Мак-Кей и многие другие [3].

Касааясь развития международных связей советских генетиков, важно выделить одно из наиболее значимых событий в отечественной биологии тех лет – Международный генетический конгресс 1978 г. в Москве, который воспринимался как яркий симптом возрождения в СССР «опальной» науки. При этом ключевую роль в организации и проведении конгресса сыграли новосибирские генетики под руководством академика Д.К. Беляева.

Так, научный еженедельник СО АН «За науку в Сибири», освещая работу конгресса, писал, что признание новосибирской школы генетиков было очевидным: Д.К. Беляев был руководителем всей советской делегации, Институт цитологии и генетики СО АН представляли 120 человек, с докладами выступили 80 ученых института, половина из которых были организаторами симпозиумов и секций, являлись председателями и сопредседателями заседаний. Более того, сразу же после конгресса 50 зарубежных ученых приехали в Новосибирск, чтобы ближе познакомиться с научными работами ИЦиГ СО АН. Среди них были всемирно известные исследователи: О. Густафссон (Швеция), К. Маркерт и Дж. Скандалио (США), Л. Мунк (Дания), Я. Тазима (Япония), Х. Беме (ГДР), А. Эслоу (Франция) и др. [4].

Тем не менее, развитие международного сотрудничества затруднялось целым комплексом факторов. Симптоматично, что уже 15 октября 1965 г. на заседании Президиума АН СССР академик М.В. Келдыш сетовал: «Мы приняли решение, что надо послать много молодого народа за границу. Не видно, чтобы это делалось» [5]. В свою очередь, в отчете о научно-организационной деятельности Отделения общей биологии АН СССР за 1967 г. отмечалась масса недостатков в организации международных научных связей. Среди них: недостаточность длительных плановых командировок за рубеж, особенно в капиталистические страны; недостаточная и несвоевременная информация о конгрессах, симпозиумах и совещаниях, проводимых за рубежом; неясность вопроса о включении тех или иных ученых в состав направляемой за рубеж группы почти до самого отъезда; чрезмерная длительность рассмотрения вопросов о вступлении в международные научные сообщества, а также о приглашении в СССР зарубежных ученых и пр. [6].

Несмотря на некоторое усиление международных контактов Института цитологии и генетики СО АН, его сотрудники также сталкивались с серьезными проблемами. Во-первых, в заграничные командировки не ездили молодые ученые. Во-вторых, выполняемых командировок было явно недостаточно. Так, в 1965–1966 гг. в научных отчетах института неизменно присутствовала фраза о том, что заявленные институтом заграничные командировки не удовлетворяются, что мешает не только международным связям института, но и преодолению имеющегося отставания в области генетики. В течение следующих нескольких лет требования изменились и в документах 1969–1970 гг. появилась фраза о необходимости проведения «постоянных консультаций у специалистов для совершенствования языковой подготовки», а также о необходимости организовать «длительные командировки сотрудников для стажирования в лучших зарубежных лабораториях» [7].

Как известно, «железный занавес» всегда создавал советским ученым немало проблем. Так, ряд документов свидетельствуют о том, что на протяжении всего изучаемого периода новосибирские генетики сталкивались с трудностями в этой сфере.

Например, на открытом партийном собрании ИЦиГ СО АН, проходившем 30 декабря 1971 г., научный сотрудник М.Д. Голубовский задал вопрос: «Как выполняется план стажировки научных сотрудников за границей?», на который последовал ответ заместителя директора института В.К. Шумного: «План существует, но не выполняется по неизвестным причинам» [8]. В свою очередь, на заседании партбюро института, проходившего 20 января 1982 г., присутствовавшие выслушали «информацию секретаря партийной организации А.Д. Груздева о задачах и ответственности партийного бюро за подбор и подготовку сотрудников института в заграничные командировки и туристические поездки». Выступивший на рассматриваемом заседании В.К. Шумный отметил: «В отдельных случаях служебные поездки за границу оформляются по звонкам соответствующих должностных лиц. Такие поездки заранее не спланированы и не подготовлены. В этих случаях нам надо особенно тщательно разбираться с тем, чтобы за границу ехали достойные товарищи» [9]. На открытом партийном собрании 21 апреля 1986 г. уже упоминавшийся М.Д. Голубовский указал на то, что его «дважды приглашали за рубеж – в Югославию и Венгерскую академию, но оба раза эти возможности не использовались. Почему? Лишение контактов наносит удар по профессиональному росту» [10].

При этом международным связям генетиков препятствовали не только проблемы с выездом за границу отечественных ученых, но и сложности с приглашением зарубежных коллег. В частности, об этом свидетельствует отчет о научной командировке в Польшу в 1985 г. заведующей Лабораторией феногенетики поведения Института цитологии и генетики СО АН доктора медицинских наук, профессора Н.К. Поповой. В документе сообщалось: «Практически все польские исследователи, с которыми я встречалась, сожалели о том, что научные контакты с нашей страной в последние годы резко ослабели. Они отмечали, что для них не составляет труда поехать в научные командировки в страны Западной Европы и США, но чрезвычайно трудно – в нашу страну» [11].

Другим отрицательным фактором, влиявшим на укрепление международных научных контактов, была слабая публикационная активность советских генетиков за границей. Так, в 1968 г. научные сотрудники ИЦиГ СО АН В.А. Ратнер и Л.И. Корочкин, участвовавшие в XII Международном генетическом конгрессе в Токио, подготовили статью «Генетика – 1968 г. на фоне Японии». В публикации с сожалением констатировалось: «Языковой барьер, незнание русского языка и отсутствие советских изданий на английском языке (как это практикуется в Венгрии, Польше и Чехословакии) делает мало доступными советские работы для западного читателя, несмотря на явный интерес к советской науке в целом с их стороны» [12]. Видимо, в последующие годы не произошло кардинальных изменений. В частности, 20 февраля 1984 г. на заседании Объединенного ученого совета по биологическим наукам СО АН Д.К. Беляев говорил: «Я заметил по таблице чрезвычайно низкий, близкий к нулю процент публикаций в большинстве институтов за границей. В чем тут дело? Почему наши институты так неактивны в пропаганде достижений советской науки за рубежом?» [13].

Таким образом, в рассматриваемые годы наблюдается заметное расширение международных научных связей. Однако «железный занавес», трудности с выездом советских ученых за границу, наряду с языковым барьером являлись существенным препятствием для полноценного включения советских генетиков в международное научное сообщество.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01295.

Литература

---

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 6. Д. 504. Л. 55.
  2. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 33. Д. 92. Л. 109.
  3. См., напр.: Научный архив СО РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 5. Д. 126. Л. 24.
  4. За науку в Сибири. 1978. 28 сент.
  5. РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 544. Л. 86.
  6. РАН. Ф. 1677. Оп. 1. Д. 34. Л. 193–194.
  7. См., напр.: НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 201. Л. 44.
  8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-269. Оп. 6. Д. 740. Л. 68.
  9. ГАО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 751. Л. 55.
  10. ГАО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 755. Л. 9.
  11. НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 384. Л. 22.
  12. За науку в Сибири. 1968. 3 дек.
  13. НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 27.
-

Карта Птолемея и «тайный» меридиан Эратосфена

Д.А. Щеглов

Эратосфен за основу своей карты принимал меридиан, проведённый через Мероэ, Александрию, Родос, Геллеспонт и устье Борисфена (F 25 Roller = F II A1 Berger = Str. 1.4.1 C62; F II C2 Berger = F 35 Roller = Str. 1.4.2 C62-63). Этот меридиан или его отдельные элементы принимали также Гиппарх (F X9 Berger = F 30 Dicks = Str. 2.1.39 C91; F III Berger = F 35 Dicks = Str. 1.4.1 C62; F V2 Berger = F 39 Dicks = Str. 2.5.34 C132), Посидоний (*Cleom. Meteor.* 1.7 Todd p. 34–35), Страбон и Птолемей в «Альмагесте» (5.3 Heib. I, 1 p. 364). Страбон особо отмечает, что вдоль этого меридиана ориентировано всё побережье Малой Азии от Родоса до Византия (2.5.7 C114 = *Erat.* F III A39 Berger = F 34 Roller; 13.1.6 C584; 14.5.22 C677). Птолемей в «Географии» впервые разрушает этот меридиан и помещает ранее связываемые с ним пункты на разных долготах. Между тем, на карте Птолемея Александрия, Родос и Византий лежат на одной линии, которая наклонена относительно меридиана таким образом, что Византий оказывается на $4\frac{1}{2}^\circ$ западнее меридиана Александрии. Естественно предположить, что эта линия является элементом, оставшимся от главного меридиана Эратосфена [1].

Смещение оси Александрия – Родос – Византий с её первоначального меридионального положения неизбежно должно было отразиться на конфигурации соседних регионов. Карта Птолемея даёт основания полагать, что вместе с самой осью аналогичный сдвиг испытали также следующие области и отдельные пункты: Малая Азия и Причерноморье (Вифиния, Амис, Фасис), Передняя Азия (западная граница Мидии и Персии), Балканы и средний Дунай (Одесс, Аполлония, мыс Тенар), центральная Италия (Рим). Рассмотрим эти примеры по порядку.

I. Малая Азия. Есть три указания на то, что вместе с Византием на запад на те же $4\frac{1}{2}^\circ$ сдвинулось и всё северное побережье Малой Азии. (1) В «Альмагесте» (7.3 Heib. I,